

Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода

English version: [Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Identity as a psychological construct: possibilities and limitations of the interdisciplinary approach](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Несмотря на большой интерес психологов и социологов к проблеме идентичности, на настоящий момент не достигнуто единого подхода к определению, структуре, механизмам формирования и особенностям функционирования идентичности. Обсуждаются возможности использования модели телесной идентичности, предложенной в рамках психологии телесности, для интерпретации других форм идентичности и объяснения самого механизма идентификации. В качестве универсального феноменологического переживания идентичности рассматривается ощущение управления / авторства и принадлежности.

Ключевые слова: идентичность, механизмы формирования идентичности, нарушения идентичности, психология телесности

Проблема формирования и нарушения идентичности приобретает особое значение при изменении социальных условий существования человека и при патологических изменениях его состояния [Андреева, 2011]. Использование этого конструкта и моделей его интерпретации для понимания механизмов нарушения адаптации и личностных расстройств в клинической психологии представляется очень перспективным, поскольку затрагивает один из центральных симптомов этих расстройств – нарушение самоидентичности. Это точка пересечения клинической психологии, психологии развития (например, [Schwartz, 2009; Crocetti et al., 2010]) и социальной психологии (например, [Hogg, Reid, 2006; Stryker, 2007]).

Однако возможность междисциплинарного анализа сопряжена с определенными трудностями: в разных областях психологии и социологии используются неоднородные концепции идентичности, определения, методы диагностики. Нет единства и в понимании процесса обретения / формирования идентичности (обычно называемого идентификацией): описанные закономерности и критерии отличаются настолько, что заставляют предположить, что речь идет о содержательно разных процессах.

В данной работе предлагается подход к определению и механизмам формирования идентичности, основанный на положениях психологии телесности. На наш взгляд, применение психологии телесности к проблемам самости и идентичности позволяет преодолеть разногласия существующих теорий (см. табл. 1) за счет выработки единых критериев и открывает возможности операционализации этого конструкта. В первой части приводится краткое сравнение подходов к идентичности в философии, биоэтике, социальной психологии и психологии развития. Затем рассматриваются ключевые положения психологии телесности, в рамках которых и предлагается

Определение, структура и формирование идентичности в русле различных подходов

Как в философии, так и в психологии традиционно идентичность рассматривается как те знания, представления и переживания, которые задают основу самоидентичности, о которых человек может сказать «это я». Это нечто ключевое и уникальное для данного человека [DeGrazia, 2005]. В возрастной психологии уточняется, что эти представления и переживания задают стабильность картины мира и восприятия себя во времени. В социальной психологии также признается это определение, хотя основной фокус внимания направлен на групповые и межличностные процессы.

Д.ДеГрация предлагает разделять численную и описательную идентичность. Численная идентичность – существование в течение времени в качестве одного и того же существа. С биологической точки зрения она рассматривается как присущая живому существу и заканчивается с его биологической смертью, как бы это существо ни изменялось в процессе жизни. С психологической точки зрения численная идентичность подразумевает сохранение базовых психических процессов (мышления, сознания или памяти о себе и своем прошлом). Описательная идентичность включает представления человека о себе, его ценности, автобиографические воспоминания, деятельности и роли, отношения с другими людьми. Об этой идентичности говорят, описывая кризис идентичности, – и именно она является предметом психологической дискуссии.

Различение численной и описательной идентичности становится особенно важным при обсуждении изменения и нарушений идентичности: так, многие человеческие страхи по поводу изменения идентичности постулируются как страх потери численной идентичности, но реально угрожают лишь описательной идентичности. Например, страх сойти с ума от психического заболевания постулируется больным как страх перестать быть человеком (страх необратимо стать другим), тогда как реально речь идет об изменении, при котором человек остается собой.

В целом определение идентичности как основы самоидентичности эксплицитно (например, в концепции Э.Эриксона) или имплицитно (в социальной психологии) разделяется большинством существующих концепций (табл. 1). При этом идентичность рассматривается как имеющая четкую структуру и включающая различные объекты (роли, прототипы в социальной психологии, сферы в психологии развития). У одного и того же человека идентичность в отношении разных объектов может характеризоваться разной степенью сформированности, а также, согласно социально-психологическим представлениям, занимать разное место в иерархической организации идентичности (обладать значимостью).

Такое понимание идентичности поднимает ряд нерешенных вопросов. Во-первых, что именно является ключевым и уникальным для человека, без чего он не чувствует себя собой? Во-вторых, одинакова ли эта основа самоидентичности для всех людей или существуют индивидуальные различия в том, что важно для человека? В частности, неотъемлемой своей частью человек может считать свое участие в социальной группе, свои личностные черты и даже внешние объекты, например покупки [Carter, Gilovich, 2012]. Как правило, социальная психология сужает фокус своего внимания до социальных объектов (социальная идентичность), психология личности – до личностных особенностей (личностная идентичность), но такое «размежевание» не отвечает на сам вопрос.

Дополнительная сложность состоит в том, что переживание потери самоидентичности может быть вызвано не самими изменениями, а тем, как эти изменения достигнуты (инструментальная причина, [Elliott, 2011]). Эта проблема активно рассматривается в биоэтике в связи с влиянием

современных технологий на идентичность человека. Угрожающими своей идентичности человек нередко считает те способы воздействия на него, которые не зависят от его активности и действий и всегда эффективны (например, медикаментозное улучшение памяти). В этом случае человек оказывается не просто пассивно открыт изменениям, он не играет в этих изменениях никакой роли вообще.

Отвечая на второй вопрос, большинство исследователей склоняется к положительному ответу: существуют индивидуальные различия в том, ищет ли человек основу своей самоидентичности, и что именно для него важно. В частности, исторические данные приводят к предположению, что не только способы формирования идентичности, но и сама потребность в ее формировании изменяется с развитием общества и культуры. При традиционной иерархической организации социальных систем, господствовавшей до конца XVIII века, идентичность воспринимается как отражение принадлежности к социальному классу, а также как нечто заданное, то, что человек получает с рождением. Как указывает Ч.Эллиот [Elliott, 2011], с развитием общества возникает две потребности – в поиске собственной уникальной идентичности и в ее социальном признании.

Потребность в поиске уникальной аутентичности и потребность в улучшении себя. Изначально в культуре господствует представление о необходимости следовать тому, что считается правильным в культуре, то есть «быть совестливым». Чтобы разобраться, что правильно и что неправильно, важно «быть в контакте» со своими чувствами. С развитием эта ценность подменяется ценностью просто «быть в контакте» со своими чувствами – что приводит к появлению своеобразного идеала аутентичности, к которому надо стремиться и которого можно достичь. Как результат, люди ощущают, что должны найти свою уникальную аутентичность, следовать своим уникальным талантам. Аутентичность воспринимается как спрятанный внутри человека клад, а патология – как то, что скрывает эту аутентичность (лечение, соответственно, возвращает ее обратно).

Другая возникающая в то же время потребность – потребность в изменении и улучшении себя – также является результатом того, что идентичность перестает быть заданной, а значит, человек может изменять и улучшать себя. Несмотря на то что эти потребности прочно вошли в современную жизнь, важно помнить, что у человека может не быть представления о том, что нужно искать себя и нечто важное для себя, как и о том, что себя нужно улучшать.

Потребность в социальном признании своей идентичности. Как и во времена жесткой иерархической организации социальных систем, в настоящее время идентичность по-прежнему тесно связана с социальными ролями. Но поскольку личностная идентичность больше не задана человеку извне, возникает потребность в социальном признании индивидуальной идентичности. Общество как бы отшлифовывает идентичность человека, возвращая ему обратно его образ. Этот образ может включать социальные представления о желательности и приемлемости разных аспектов идентичности, о том, что стоит улучшить или изменить.

Если продолжить рассуждения Ч.Эллиота, должны существовать индивидуальные различия в потребности в социальной принадлежности (традиционно заданной в иерархической организации социальных систем), в потребности в аутентичности (самоопределении), потребности в самоулучшении (изменении себя) и в потребности в социальном признании своей идентичности. На наш взгляд, это следствие, закономерное для философии и биоэтики, часто недооценивается и не учитывается в психологических исследованиях: так, испытуемому может быть просто не важен процесс и результат идентификации, о котором его спрашивает исследователь-психолог.

Другое важное следствие: формирование идентичности определяется взаимодействием социальных и личностных процессов. Важны как собственная активность, так и влияние социума. Это представление полностью разделяется в психологии: как в социальной психологии, так и в психологии развития важнейшая роль в формировании идентичности отводится реципрокному взаимодействию человека и мира. Так, в концепции Э.Эриксона синтез идентичности совершается

во взаимодействии с другими людьми и становится основой для формирования разделенной с другими людьми картины мира и стабильных межличностных отношений [Эриксон, 1996а, 1996б]. В социальной психологии и социологии не только социальные структуры определяют идентичность, но и сам человек активно выбирает роли, группы, от него зависит степень приверженности этим ролям и группам [Hogg et al., 1995; Stryker, 2007].

Различия касаются основного фокуса теорий: в психологии развития в центре внимания оказывается личностная активность, тогда как в социальной психологии – социальные процессы. Кроме того, личностная активность играет лидирующую роль в формировании идентичности в случаях, когда социальное сравнение затруднено: например, при «скрытой» (стигматизированной) идентичности, которую люди не хотят открывать другим (факт психического заболевания, принадлежность меньшинствам и т.п.). В этом случае выводы, которые человек делает, и проявления его идентичности в большей степени зависят от его субъективных представлений о стигме, а не от реальных действий окружающих [Quinn, Chaudoir, 2009].

Таким образом, можно выделить несколько общих «отправных» моментов в рассмотрении идентичности. Во-первых, это понимание идентичности как основы самоидентичности. При этом самоидентичность задается различными объектами (принадлежность социальным группам, личностные черты и т.п.). В философии и биоэтике к этому постулату добавляется еще ряд важных представлений. В частности, существуют индивидуальные различия как в том, какие объекты задают основу самоидентичности, так и в том, насколько выражена у человека потребность в поиске идентичности и в чем она выражается (принадлежность социальной группе, поиск аутентичности). Помимо этого, для самоидентичности важно, каким образом осуществляются изменения в объектах, какова роль активности самого человека. Во-вторых, общим является признание реципрокного взаимодействия мира и человека как основы формирования идентичности, а также учет того, что вклад социального и личностного компонентов в конкретном случае может различаться.

На основе этих общих представлений в психологии предложен ряд теорий идентичности, развивающих различные точки зрения на структуру, функции и механизмы формирования идентичности.

В социальной психологии наиболее распространены теория социальной идентичности и теория самокатегоризации, согласно которым структура идентичностей соответствует структуре социальных групп, а их иерархическая организация задается доступностью (важностью для человека) и приемлемостью (насколько хорошо они объясняют и предсказывают ситуацию) конкретных идентичностей [Hogg et al., 2005, Hogg, Reid, 2006]. Формирование идентичности связывается с отнесением себя к группе (самокатегоризацией), при котором себе и своей группе придаются одни и те же и максимально «выгодные» черты (самоулучшение), тогда как «чужой» группе – черты, отличающие ее от своей группы. В результате как чужие члены группы, так и сам человек рассматриваются как носители безличного прототипа – в отношении себя этот процесс потери личной идентичности ради социальной идентичности называется деперсонализацией.

В теории самоподтверждения предложен альтернативный механизм формирования идентичности – слияние идентичности, при котором личностная и социальная идентичность не противопоставляются, а рассматриваются как эквивалентные [Swann et al., 2009; Gomez et al., 2011]. Любые процессы, приводящие к актуализации одной из идентичностей, приводят к актуализации другой: так, если под сомнение ставятся его личностные особенности, человек стремится проявить себя не только в соответствии с личностной идентичностью, но и в соответствии с социальной идентичностью, и наоборот. Слияние идентичности позволяет объяснить нетипичное поведение ради группы (экстремистские действия, самопожертвование), которые не могут задаваться безличным соответствием прототипу. Однако сам механизм формирования слияния идентичности в теории практически не разработан: было лишь показано, что важную роль играют переживание взаимности с группой и ожидание от других схожего

поведения, что приводит к ощущению собственной неуязвимости и силы.

В социологии в рамках структурного символического интеракционизма была предложена теория идентичности [Stryker, 2007; Hogg et al., 1995], рассматривающая идентичность через призму принимаемых социальных ролей. Иерархическая структура идентичностей задается различиями в вероятности их проявления в поведении (значимости) и субъективной важности (центральности), которые, в свою очередь, зависят от вовлеченности в социальные отношения (количества отношений и глубины привязанности). Основным механизмом формирования идентичности является принятие роли другого человека в ходе реципрокного взаимодействия – в результате структура идентичностей неразрывно связана со структурой социальных ролей.

В психологии развития вслед за Э.Эриксоном [Эриксон, 1996а, 1996б] идентичность рассматривается в континууме «синтез – диффузия», причем синтез идентичности является основой переживания стабильности и непрерывности, в том числе в межличностных отношениях. Дальнейшая разработка этих представлений в русле модели статусов идентичности [Marcia, 1966; Marcia, 2002] привела к рассмотрению синтеза и диффузии как двух процессов, необходимых для баланса между стабильным состоянием и возможностью дальнейшего развития. В основе формирования идентичности лежат процессы поиска (выявление и анализ потенциальных альтернатив) и выбора (выбор и следование альтернативе), соотношение которых приводит к одному из четырех статусов идентичности (достигнутой, принятой, диффузной и моратория).

Возможность дальнейших изменений идентичности ставится во главу угла в трехфакторной процессуальной модели идентичности [Crocetti et al., 2010], согласно которой успешное развитие идентичности в таком случае определяется успешным сочетанием циклов поиска – выбора, что соответствует сочетанию не двух, а трех процессов: выбора, углубленного поиска (насколько человек думает о совершенном выборе и ищет дополнительную информацию о нем) и пересмотра выбора (сравнение совершенного выбора с другими альтернативами в тех случаях, когда принятое решение уже не удовлетворяет).

Различные подходы к проблеме идентичности обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Различные подходы к проблеме идентичности

Определение идентичности	Структура идентичности	Процесс формирования идентичности	Динамика идентичности
Социальная психология и социология			
<i>Теория социальной идентичности и теория самокатегоризации</i>			
Знание индивида о том, что он принадлежит конкретной социальной группе, при этом принадлежность группе эмоционально и ценностно значимо	Идентичности организованы иерархически, различаются по значимости (доступности и приемлемости), структура идентичностей соответствует структуре социальных групп	Процессы самокатегоризации и самоулучшения приводят к формированию прототипа и деперсонализации	Зависит от динамики групповых представлений, того, с какими группами производится сравнение. В основе лежит принцип самоулучшения
<i>Теория самоподтверждения</i>			
То же	То же	Процесс слияния	В основе лежит

идентичности, при котором личностная и социальная идентичности рассматриваются как эквивалентные. Опосредствуется представлениями о реципрокных отношениях, задающими ощущение собственной неузвизимости и силы принцип самоверификации

Теория идентичности

<p>Представления и знания о себе, которые люди используют и которые являются следствием занимаемых ими социальных позиций (ролей), а именно: люди определяют себя как членов определенной социальной категории</p>	<p>Идентичности организованы иерархически, различаются по значимости и центральности. Значимость и центральность задаются мерой вовлеченности</p>	<p>По механизму принятия роли другого и правилу реципрокного взаимодействия</p>	<p>Зависит от динамики ролей, в особенности дополнительных ролей</p>
--	---	---	--

Психология развития

Концепция Э.Эриксона

<p>Представления о себе, их синтезированность и согласованность, которые остаются стабильными с течением времени в разных ситуациях. Переживание самоидентичности и непрерывности картины мира, которая разделена с другими людьми</p>	<p>Континуум синтеза-диффузии идентичности</p>	<p>Зависит от собственной активности человека по решению данной жизненной задачи</p>	<p>Не уточняется</p>
--	--	--	----------------------

Модель Дж.Марсии

<p>То же</p>	<p>Четыре статуса идентичности (достигнутая, принятая, диффузная, мораторий)</p>	<p>Статус идентичности определяется активностью, процессом поиска и выбора</p>	<p>Изменение статуса идентичности определяется активностью, процессом поиска и выбора</p>
--------------	--	--	---

Трехфакторная процессуальная модель идентичности

<p>То же, подчеркивается динамический характер</p>	<p>Состояние характеризуется сочетанием активизации трех процессов: выбора, углубленного поиска и пересмотра выбора</p>	<p>Задается активностью и действием процессов</p>	<p>Задается активизацией и сменой процессов</p>
--	---	---	---

Первое, что обращает на себя внимание при сравнении разных подходов, – отсутствие единых критериев определения идентичности, которые бы объясняли переживание самотождественности.

В социальной психологии и социологии говорится о важности эмоциональной и ценностной значимости идентичности, а также реципрокного взаимодействия (взаимного соответствия структуры идентичности и социальной структуры). В психологии развития указывается на согласованность представлений, непрерывность и стабильность картины мира, а также на уверенность и определенность. Однако в обоих направлениях, во-первых, нет обоснования структуры этих критериев и их связи с переживанием самотождественности. Во-вторых, предлагаются разные механизмы формирования идентичности при отсутствии попыток составить перечень и обосновать причины и следствия действия тех или иных механизмов.

По нашему мнению, основой для ответа на эти вопросы и построения интегративной модели идентичности, учитывающей различные подходы, может стать психология телесности [Тхостов, 2002], в русле которой разработаны критерии формирования и динамики границ между субъектом и объектом.

Психология телесности: границы между субъектом и объектом как основа идентичности

На наш взгляд, применение теоретических и эмпирических конструктов психологии телесности к проблемам самости и идентичности позволяет преодолеть разногласия существующих теорий за счет выработки единых критериев и открывает возможности их операционализации.

Если с точки зрения социологии и социальной психологии идентичность рассматривается как существующий факт, а с точки зрения психологии развития – как порождающаяся структура, то точки зрения психологии телесности границы идентичности не являются заданными и фиксированными, а определяются структурой разрыва и взаимодействия между субъектом и объектом. Огрубляя, можно сказать, что то, что относится к субъекту, это и есть то, что составляет его идентичность, а то, что не относится, – удаляется за ее границы. Ключевым критерием, определяющим эти границы, является переживание контролируемости чего-либо или принадлежности к чему-то.

Почти идеально точной метафорой идентификации является пара: *обладать или принадлежать*. Например, человек, использующий в качестве инструмента зонд, ощущает границу своего тела на конце зонда, а не на конце руки, то есть зонд вполне можно рассматривать в границах его телесной идентичности. Однако это ощущение пропадает, если зонд двигать воздействиями извне или сделать из мягкого материала [Тхостов, 2002]. Это метафора *обладания*. С другой стороны, человеческое тело само способно (хотя и в меньшей степени) стать зондом внешней силы, превращаясь в его часть. На феноменологическом уровне это проявляется в чувстве слияния, транспозиции самости. Это метафора *принадлежности*.

Само тело человека, его мысли и чувства могут становиться отчужденными, утрачивая базовое качество управляемости. При переходе определенного уровня это ощущение может трансформироваться в феномен психического автоматизма, когда человеку начинает казаться, что им руководит или овладевает некая внешняя сила, с которой он даже может слиться на уровне «океанического чувства». Переживание контролируемости определяется не только опытом

человека, но также требованиями социума и культуры, накладывающим на натуральные телесные функции ограничения и превращающие их в осознаваемые и произвольно регулируемые.

Строго говоря, на уровне допроизвольной и бессознательной регуляции телесных функций они не относятся к сфере телесной идентичности. Идентичность появляется в отношении произвольно регулируемых телесных функций, которые, будучи затем освоенными, могут превращаться в постпроизвольные и неосознаваемые. Именно этот случай можно рассматривать как бессознательную телесную идентичность, которой человек руководствуется автоматически (я же не задумываюсь над тем, как двигать рукой, когда беру предмет, я его *просто беру*), но которая может быть осознана при нарушении автоматизированного действия (я буду ощущать руку, если она ослабнет). Подобную схему вполне можно распространить и на иные варианты идентичности.

Нам кажется не вполне обоснованным понимание идентичности как исключительно сознательного конструкта, поскольку в этом случае она остается ответом на вопрос «Кто Я?», никоим образом не связанным с реальным воплощением этого ответа в поведении. Например, в конце 1980-х к православным причисляла себя треть населения России, к 1995–1998 годам их доля выросла до 40–50%, 2003-м таких было 59%, в 2004-м – 60%, а в 2007-м – 69%, [Заруцкий, 2008]). Эти данные можно, конечно, интерпретировать как обретение православной идентичности, но, на наш взгляд, подлинная религиозная идентичность в гораздо большей мере связана с *поведением* человека. В этом смысле к пониманию идентичности ближе У.Джеймс, когда он говорит о том, что человек должен бежать с поля боя и не входить в чумной барак, но если этот человек идентифицирует себя с воином или врачом, то эта идентификация ограничивает свободу его поведения [Джеймс, 1991].

Утверждение о том, что готовность члена группы к самопожертвованию и экстремальному поведению ради группы есть слабость личной идентичности, в этом контексте абсолютно неверно. В античном полисе ценность полиса была выше ценности гражданина, и именно это обеспечивало его идентичность, к гражданам относились прежде всего люди, несущие военную службу. Эзоп предпочел умереть свободным, нежели остаться живым рабом. Идентичность в большей степени определяется не словами, а тем, чем человек готов пожертвовать ради нее. Если же речь идет о переживании, то даже неосознаваемая идентичность проявляет себя в виде чувства ответственности, вины, стыда, долга и пр.

Критерии идентичности

Переход от рассмотрения телесности к идентичности требует двух уточнений. Во-первых, принципиально можно выделить три вида контроля: управляемость (события начинаются и происходят по воле человека), контролируемость (ход событий зависит от действий человека) и предсказуемость (человек может предсказать дальнейшее развитие событий). Такой механизм лежит как в основе переживания чего-либо как «это я» (идентичность), так и в основе переживания принадлежности «это мое» (например, вещи, тело и т.п.).

В целом в идентичность включаются любые объекты, которые являются системообразующими для «я» и которые человек воспринимает как управляемые, контролируемые и/или предсказуемые, что приводит к переживанию самоощущения и стабильности себя и мира. Переживание управляемости, контролируемости и/или предсказуемости приводит к большей определенности, стабильности и непрерывности в восприятии себя и мира [Эрикссон, 1996а, 1996б], уверенности в своих силах (в некоторых случаях доходящей до чувства собственной неуязвимости [Swann et al., 2009]), а также переживанию этих объектов как неотъемлемых составляющих «я» и более или менее осознанному представлению о том, что без этих объектов человек перестанет быть собой [DeGrazia, 2005]. На наш взгляд, все эти критерии вторичны по отношению к выделенным нами. Другие обсуждавшиеся в литературе функции идентичности (например, получение личной выгоды, социальной поддержки от группы, обретение смысла некоторой деятельности и т.п.) являются факультативными возможностями – они возникают лишь в некоторых случаях и не являются

необходимыми для определения идентичности.

Механизмы формирования идентичности

Формирование идентичности задается реципрокным взаимодействием социальных процессов и собственной активности (когнитивных и эмоциональных процессов) и может являться более или менее целенаправленным в зависимости от потребностей человека (в принадлежности к социальным структурам, в аутентичности, самоулучшении и социальном признании).

Структура и выраженность потребностей определяют меру активности человека, а также то, насколько он подвержен влиянию социальных факторов и чувствителен к обратной связи в процессе построения своей идентичности. Выраженность и особенности взаимодействия когнитивных и аффективных процессов влияют на степень и характер «переработки» полученного извне опыта при включении его в структуру идентичности. Например, доминирование аффективных процессов приводит к временной и неустойчивой идентификации со слабой дифференцированностью в структуре идентичности (что происходит при эмоциональном заражении). Низкий уровень собственной активности связан с формированием знаемой идентичности, соответствующей социальным нормам, ожиданиям и представлениям, но не интегрированным в систему личностных ценностей, переживаний и представлений.

Можно выделить следующие механизмы формирования идентичности (следует отметить, что список механизмов отражает современные эмпирические данные в этой области и не претендует на полноту):

1. Эмоциональное заражение – эмоциональное переживание себя как целого с другими людьми или событиями, возникающее быстро под влиянием эмоционально заряженной социальной ситуации (например, в толпе) и, как правило, нестабильное. При эмоциональном заражении когнитивный анализ редуцирован до самых общих выводов («хорошее – плохое», «друг – враг»), поэтому человек склонен к импульсивному поведению в соответствии с лозунгами или поведением других людей. В отличие от процесса деперсонализации [Hogg, Reid, 2006] в этом случае не происходит сколько-нибудь детальной самокатегоризации и выделения признаков прототипа, а сама идентичность носит недифференцированный характер. При этом ситуация иллюзорно воспринимается как предсказуемая вследствие эмоционального переживания единства с другими людьми, событиями или объектами.

2. Идентификация – механизм, предложенный в рамках теории социальной идентичности и теории самокатегоризации [Hogg et al., 1995; Hogg, Reid, 2006]. При идентификации человек категоризует себя в соответствии с теми или иными общими характеристиками (прототипом), стараясь сблизить себя и группу и заострить различия с другими группами, что приводит к деперсонализации (отказу от личной идентичности в пользу сходства с прототипом). При классической идентификации процесс когнитивной переработки касается только сопоставления себя с прототипом и категоризации и не включает преобразования информации в соответствии с собственными целями и ценностями.

На наш взгляд, об идентификации можно говорить и в том случае, если вклад собственной активности в формирование идентичности низок, – возникает предписанная кем-либо, знаемая идентичность. Так, в исследованиях само-стереотипизации было показано [Sinclair et al., 2006], что идентификация нередко определяется влиянием близких, которые задают человеку категориальную сеть для понимания и определения себя. В концепции социальных статусов Дж.Марсия [Marcia, 1966] такой тип идентификации описан при принятой идентичности: человек выбирает нечто без предварительных поисков и анализа (т.е. без когнитивной переработки). Как и в случае заражения, оба варианта идентификации связаны с переживанием иллюзии контроля и предсказуемости как следствия понятности и предсказуемости прототипа.

3. Скрытая (изолированная) идентификация – механизм, при котором предписанная или выбранная идентичность скрывается от других, часто в связи со стигматизацией или самостигматизацией [Quinn, Chaudoir, 2009]. В отличие от обычной идентификации при скрытой идентификации доминируют аффективные процессы (тревога), а прототип черпается не из окружающего мира (поскольку человек избегает обратной связи), ожидания человека формируются на основе его знаний и опасений. В отличие от всех других механизмов при скрытой идентификации человек недостаточно учитывает социальную ситуацию. Крайний вариант может наблюдаться в патологии в форме изолированной (фантастической) идентичности, не имеющей наблюдаемых связей с социальной реальностью. При скрытой идентичности иллюзия контроля и предсказуемости поддерживается здесь за счет сокрытия тайны – пока идентичность остается скрытой, у человека есть ощущение стабильности и контроля.

4. Слияние идентичности – механизм, предложенный в рамках теории самоподтверждения [Swann et al., 2009], при котором личная и социальная идентичность не просто согласуются, а рассматриваются как функционально эквивалентные. Характерным отличием слияния от идентификации является готовность к индивидуализированным действиям во имя группы (в том числе экстремистским), которые не могут быть отражением общего для всех прототипа. Современных данных недостаточно, чтобы сделать выводы о том, насколько глубока когнитивная проработка при таком способе формирования идентичности, тогда как роль аффективных процессов, без сомнения, велика. При слиянии идентичности переживание контроля трансформируется в иллюзию неуязвимости и, в некотором смысле, всемогущества.

5. Когнитивная и аффективная переработка подразумевает активное участие человека в переработке и изменении предлагаемого социумом прототипа в соответствии с личными целями и ценностями. При этом ясны границы идентификации – что именно и почему «подходит» человеку, а что – нет, в каких ситуациях он проявляет идентичность, а в каких – ведет себя иным образом. Этот механизм наиболее близок представлениям Э.Эриксона [Эриксон, 1996а, 1996б] о синтезированной идентичности и представлениям Дж.Марсиа [Marcia, 2002] о гармоничном сочетании поиска и выбора.

В психологии развития накоплены данные о значительной неоднородности этого механизма [Schwartz et al., 2002, 2006; Crocetti et al., 2010]: сочетание и динамические характеристики поиска и выбора существенно различаются. На наш взгляд, неоднородность объясняется, в частности, различиями в выраженности собственной активности, выраженности и соотношении когнитивных или аффективных процессов переработки, чувствительности к обратной связи и т.п. Принятие и переработка идентичности могут строиться на идеологических убеждениях, осознанных попытках преодолеть стресс, стремлении к извлечению выгоды, а также возможности повлиять на другие, не вовлеченные группы – поэтому, в отличие от идентификации, при переработке возможны критичное отношение к группе, индивидуализированные (не основанные на прототипе) действия ради нее или отказ от действий.

На наш взгляд, такой механизм формирования идентичности лежит в основе коллективных действий, совершаемых во имя группы ради улучшения условий группы как целого. Так, в литературе выражалось сомнение в применимости теории самокатегоризации к коллективным действиям [Wright, 2009; van Zomeren, Iyer, 2009], поскольку при коллективных действиях «чужие» группы могут не противопоставляться «своей» группе, более того, действия могут совершаться группами с высоким статусом и ради «чужой» группы – тогда как механизм переработки значительно более применим для объяснения этих феноменов. Переживание управляемости и контролируемости при когнитивной и аффективной переработке задается знанием «границ» идентичности и основано на обратной связи от окружающих.

Большинство указанных механизмов предложены для объяснения формирования идентичности в отношении социальной группы, однако они применимы к более широкому кругу объектов.

Например, те или иные черты личности человек может «присваивать» себе вследствие эмоционального заражения или указаний других людей, вследствие собственных опасений и представлений или по результатам сравнительного анализа и когнитивной переработки. Если в идентичность включаются вещественные предметы (Я как обладатель некой вещи, см. [Carter, Gilovich, 2012]), роль прототипа будут играть ожидания и нормы от самой вещи и от роли ее обладателя, а слияние идентичности будет характеризоваться эмоциональным ажиотажем, переживанием единства себя и вещи.

Динамика идентичности

С позиций психологии телесности изменения в структуре сформированной идентичности возникают, если контролируемость и предсказуемость этой идентичности поставлены под сомнение. В этом контексте удобно использовать характеристику приемлемости идентичности, предложенную в рамках теории самокатегоризации: идентичность становится под сомнение, если предсказания и ожидания, основанные на ней, не сбываются. Провокация диссонанса между идентичностью и социальной реальностью применяется для актуализации идентичности, при которой испытуемому сообщается информация (например, дается описание его черт личности), противоречащая его представлениям о себе [Swann et al., 2009].

Несоответствие идентичности и представлений человека может запускать процессы углубленного поиска и пересмотра выбора, которые рассматриваются в трехфакторной процессуальной модели [Crocetti et al., 2010].

Мы полагаем, что расхождение идентичности с социальной реальностью или личными представлениями вызывает негативные эмоции именно в связи с угрозой потери контроля, потери важной сферы Я, что приведет к нарастанию неопределенности. Другие угрозы (например, потери выгод, получаемых от социальной группы, гордости за некие черты личности) также важны, но вторичны и легче переносятся человеком. При этом диссонанс идентичности и реальности может возникать вследствие патологических процессов (например, искажение восприятия или мышления), рефлексии (характерный пример – осознание «внешнего» характера предписанной идентичности), получения несоответствующей обратной связи от «своей» или «чужой» группы (как реальной, так и мнимой), а также в результате жизненных изменений, приводящих к поиску нового (например, смена интересов).

Нарушения идентичности

В соответствии с предложенной моделью далеко не все трансформации и изменения идентичности будут носить патологический характер. Во-первых, несформированность идентичности может быть связана с особенностями потребностной сферы: в современном обществе доминирует потребность в поиске собственной уникальной аутентичности. Человек может не найти подходящего объекта – такие явления традиционно описываются как психологическое отчуждение, аномия. Во-вторых, те или иные трудности могут быть связаны с характером идентичности и механизмом ее формирования (заражение, слияние, деперсонализация в ходе идентификации).

Собственно нарушения идентичности можно разделить на нарушения формирования идентичности (невозможность активного поиска и выбора, запуска идентификации, когнитивной и аффективной переработки) и нарушения динамики идентичности, когда нарушены процессы выявления ролей, правил и прототипов, соответствующих идентичности, – и, как следствие, возникает «разрыв» между постулируемой или желаемой идентичностью и обратной связью от окружающих. И тот и другой процессы усиливаются при усложнении социальных структур и правил, размывании границ между ними и т.д., что характерно для современного общества, что возвращает нас на новом витке к изначальной задаче [Андреева, 2011]: необходимости междисциплинарных исследований изменений идентичности, учитывающих как клинико-психологические, так и социально-психологические

факторы, а также особенности развития человека.

Заключение

Таким образом, интерпретация идентичности через призму психологии телесности позволяет предложить критерии ее определения (управляемость, контролируемость, предсказуемость объектов в составе идентичности), основные механизмы ее формирования (эмоциональное заражение, идентификация, скрытая идентификация, слияние идентичности, когнитивная и аффективная переработка) и факторы ее изменения (угроза контролируемости вследствие рефлексии, обратной связи от социума, жизненных изменений, а также патологических искажений психических процессов). Изменения, традиционно относимые к нарушениям идентичности, могут определяться не только патологическими процессами, но и современными социальными процессами: усложнением социальных структур, их нестабильностью, неоднозначностью правил и границ между структурами и т.п. Дальнейшие исследования необходимы для эмпирической верификации предложенной модели идентичности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-06-00257а «Социально детерминированные формы нарушения самоидентичности»

Литература

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, №. 6(20), 1. <http://psystudy.ru>.

Джемс У. [James W.] Психология. М.: Педагогика, 1991.

Заруцкий С. Православие в цифрах. Калуга: КП Калуга, 2008.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Эриксон Э. [Erikson E.] Детство и общество. СПб.: Речь, 1996а.

Эриксон Э. [Erikson E.] Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996б.

Carter T.J., Gilovich T. I am what I do, not what I have: the differential centrality of experiential and material purchases to the self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012, 102(6), 1304–1312. doi: 10.1037/a0027407.

Crocetti E., Schwartz S.J., Fermani A., Meeus W. The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). Italian validation and cross-national comparisons. *European Journal of Psychological Assessment*, 2010, 26(3), 172–186.

DeGrazia D. Enhancement technologies and human identity. *Journal of Medicine and Philosophy*, 2005, 30(3), 261–283.

Elliott C. Enhancement technologies and the modern self. *Journal of Medicine and Philosophy*, 2011, 36(4), 364–374.

Gomez A., Brooks M.L., Buhrmester M.D., Vazquez A., Jetten J., Swann W.B. On the nature of identity

fusion: insights into the construct and a new measure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, 100(5), 918–933.

Hogg M.A., Reid S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms. *Communication Theory*, 2006, 16(1), 7–30.

Hogg M.A., Terry D.J., White K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory. *Social Psychology Quarterly*, 1995, 58(4), 255–269.

Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity*, 2002, 2(1), 7–28.

Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966, 3(5), 551–558.

Quinn D.M., Chaudoir S.R. Living with a concealable stigmatized identity: the impact of anticipated stigma, centrality, salience and cultural stigma on psychological distress and health. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, 97(4), 634–651.

Schwartz S.J. Convergent validity in objective measures of identity status: implications for identity status theory. *Adolescence*, 2002, 37(147), 609–624.

Sinclair S., Hardin C.D., Lowery B.S. Self-stereotyping in the context of multiple social identities. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, 90(4), 529–542.

Stryker S. Identity theory and personality theory: mutual relevance. *Journal of Personality*, 2007, 75(6), 1084–1101.

Swann W.B., Gomez A., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, 96(5), 995–1011.

Wright S.C. The next generation of collective action research. *Journal of Social Issues*, 2009, 65(4), 859–879.

van Zomeren M., Iyer A. Introduction to social and psychological dynamics of collective action. *Journal of Social Issues*, 2009, 65(4), 645–660.

Поступила в редакцию 21 сентября 2012 г. Дата публикации: 19 декабря 2012 г.

[Сведения об авторах](#)

Тхостов Александр Шамилевич. Доктор психологических наук, профессор, зав. каф. нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия
E-mail: tkhostov@gmail.com

Рассказова Елена Игоревна. Кандидат психологических наук, доцент, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия
E-mail: l_rasskazova@yahoo.com.

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода. Психологические исследования, 2012, 5(26), 2.

<http://psystudy.ru>

ГОСТ 2008

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 2.

URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771-rasskazova26.html>

[К началу страницы >>](#)